

ΓΑΛΗΝΟΥ

ΕΙΣ ΤΟ ΜΗΝΟΔΟΤΟΥ ΣΕΒΗΡΩΙ ΠΡΟΤΡΕΠΤΙΚΟΣ ΕΠ' ΙΑΤΡΙΚΗΝ

ГАЛЕН

О КНИГЕ МЕНОДОТА СЕВЕРУ УВЕЩАНИЕ К ЗАНЯТИЮ МЕДИЦИНОЙ

Перевод с древнегреческого и примечания *И.В. Пролыгиной**

Гален Пергамский (Γαληνός, Galenus, 129–210/217 гг. н.э.) известен не только как выдающийся теоретик и практик позднеантичной медицины, сочинения которого оказывали решающее влияние на развитие медицины вплоть до эпохи Возрождения, но и как блестящий полемист, участник научных дискуссий между различными медицинскими школами того времени (эмпириками, методистами и рационалистами), самобытный философ, внесший значительный вклад в разработку таких областей философии, как логика, физика и эпистемология, и филолог, составивший ряд сочинений по этимологии, грамматике и литературной критике, а также многочисленные комментарии на тексты Гиппократова корпуса. Сохранилось около 100 сочинений Галена, которые составляют один из самых обширных из дошедших до нас корпусов античных текстов.

«Протрептик» Галена принадлежит к античному жанру «увещания» или «побуждения», целью которого было побудить слушателей, как правило, юношей, к занятию философией или красноречием¹. Он восходит к традиции, заложенной софистами и Исократом (речи «К Никоклу», *Antidosis*). Теоретическое определение жанра протрептика было сформулировано еще в «Евтидеме» Платона (274b–281d), где он перечисляет основные темы, характерные для этого жанра, которые впоследствии получают развитие. Образцом классического протрептика можно считать «Протрептик» Аристотеля, ссылки на который встречаются у многих позднейших авторов. Среди них прежде всего следует назвать «Протрептик» Ямвлиха (250–325 гг. н.э.), который в главах V–XII и сохранил большинство фрагментов Аристотеля.

Многие темы, затронутые Аристотелем и использованные Ямвлихом, перекликаются и с текстом Галена, где они получили развитие применительно к понятию искусства, например, рассуждения о необходимости для всякого юноши заниматься искусством, его важности для достижения счастливой жизни и практической пользе. Но как от «Протрептика» Аристотеля сохранились лишь фрагменты, так и «Протрептик» Галена дошел не полностью. Сохранилась лишь его первая часть, посвященная изучению искусств в целом, тогда как вторая часть, посвященная изучению медицины и ее превосходству над другими видами искусств, была утрачена уже в XII веке².

Пролыгина Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры латинского языка и основ терминологии МГМСУ им. А.И. Евдокимова (Moscow State University of Medicine and Dentistry).

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 12-06-00087а «Изучение усвоения и трансформации античных естественных наук в Средние века и Новое время в контексте социокультурной динамики общества».

¹ О происхождении жанра протрептика и его жанровых особенностях см. Jamblique 1989, 5; Gaiser 1959; Алиева 2011, 23–27; ср. Аристотель 2004.

² Подробнее об этом см. Galien 2002, 5–6.

В первой сохранившейся части трактата можно выделить две большие темы. Первая посвящена рассуждению о достойных видах искусств и сопровождается красочным описанием Тюхе, Гермеса и их почитателей. Здесь же Гален предостерегает юношей от увлечения такими непостоянными благами, как знатность, красота и деньги. Во второй части он проводит четкий критерий для различения пустого или вредного искусства и истинного: всякое занятие, не приносящее пользы для жизни, не есть искусство. Но наибольшей опасностью Галену представляется профессиональное занятие спортом, которое не только бесполезно, но и наиболее привлекательно для юношей. В заключение он различает благородные или свободные искусства и ремесленные или ручные, подготавливая переход ко второй, ныне утраченной части, в которой речь должна была пойти о медицине как наивысшем виде искусства.

Трактат начинается со своеобразного гимна разуму человека, который отличает его от других живых существ и позволяет заниматься искусствами по своему выбору, а не повинаясь природе. Кроме того, человек причастен и божественным искусствам: медицине, геометрии, музыке, астрономии и самому величайшему – философии (гл. I). Искусство роднит человека с богами, поэтому нелепо презирать этот дар и доверяться Тюхе – слепой богине судьбы и случая. Гален вводит экфрасис, изображающий Тюхе, и жалкий конец, ожидающий ее поклонников (гл. II). Гермес, покровитель разума и всякого мастерства, напротив, побуждает слушателей к следованию по пути разума и трудолюбия (гл. III). Перечисление бедствий, грозящих первым (гл. IV), и благ, ожидающих вторых (гл. V), служит дополнительным поводом для занятия искусствами. Кроме того, на пути юноши встречаются и другие опасности, способные отвлечь его от следования добродетели и занятия искусством: богатство (гл. VI), знатность (гл. VII) и красота (гл. VIII). Но более всего следует избегать спортивной карьеры, которая на первый взгляд обещает юношам славу и почести (гл. IX и XIV). Гален последовательно излагает аргументы, призванные отвратить юношей от следования по этому пути. Он показывает, что занятие атлетов бесполезно с практической точки зрения (гл. X), приводит к интеллектуальной деградации, нарушению нормального распорядка дня и питания, утрате здоровья (гл. XI) и, в конечном итоге, ко всяческому уродству (гл. XII). Распространенное мнение о физической силе и выносливости атлетов ошибочно, а их спортивные достижения незначительны даже по сравнению с животными. Последнее утверждение иллюстрируется отрывками из поэмы анонимного автора (гл. XIII). В конце жизни вместе с утратой здоровья они полностью лишаются и средств к существованию. Поэтому молодым людям следует заниматься такими видами искусств, которые приносят пользу и пребывают с человеком до самой старости. К ним Гален относит не связанные с физическим трудом интеллектуальные виды искусств, самым достойным из которых признает медицину (гл. XIV).

Перевод выполнен по изданию: Galien. Exhortation à l'étude de la médecine. Art médical. T. 2 / Texte établi, traduit et annoté par V. Boudon-Millot. P., 2002 (C.U.F. Collection Budé).

Гален

О КНИГЕ МЕНОДОТА СЕВЕРУ³ УВЕЩАНИЕ К ЗАНЯТИЮ МЕДИЦИНОЙ

1. 1. Совершенно ли лишены разума (λόγου) живые существа, называемые неразумными (ἄλογοις), не ясно. В самом деле, быть может, если даже они не причастны рассуждению, выражающемуся посредством голоса, которое именуют еще произносимым (προφορικόν), однако все они, одни более, а другие менее, причастны рассуждению, совершающемуся

---

³ Менодот Никомедийский был врачом эмпирической школы, жившим в первой половине II в. н.э. Он составил увещание к юношам о пользе изучения медицины, адресованное некоему Северу. По всей видимости, этот текст побудил Галена к написанию своего протрептика, во второй, утраченной ныне части которого, посвященной медицинскому искусству, он полемизировал с учением Менодота. См. Galien 2002, 38–42; Barigazzi 1979, 157–163.

в душе, которое называют внутренним (ἐνδιάθετον)⁴. 2. А то, что люди, конечно, намного превосходили их, нам совершенно очевидно, когда мы взираем на множество искусств, которыми занимается это живое существо, и на то, что только человек, будучи восприимчив к науке, изучает искусство, какое пожелает. Ибо прочие живые существа почти все чужды искусствам, за исключением небольшого числа из них, да и те преуспели в искусствах скорее по природе, чем по произволению. 3. Человек же не пренебрегает ни одним искусством из тех, что свойственны животным, но научился подражать паукам в ткачестве и строит подобно пчелам⁵, и искусен в плавании, хотя ходит по суше. Кроме того, он не лишен и божественных искусств, усердствуя в медицинском искусстве Асклепия, в таком же искусстве Аполлона и всех прочих, которыми тот обладает: стрельбе из лука, музыке и гаданию, и еще о том, что свойственно каждой из Муз. 4. Ибо он не уклоняется ни от геометрии, ни от астрономии, но исследует и «глубины земные» и «небесные высоты» по слову Пиндара⁶. Своим трудолюбием добыл он и величайшее из божественных благ – философию⁷. А посему, даже если другие живые существа и причастны разуму, только человек в силу превосходства над ними называется разумным (λογικός).

II. 1. Так разве не стыдно пренебрегать тем единственным в нас, что роднит нас с богами, и заботиться о чем-то другом, презирая стяжание искусства и вверяя себя Тюхе? Древние, желая показать ее порочность, не довольствовались только тем, что рисовали и вяли ее в виде женщины, – хотя и это было достаточным символом безумия, – но дали ей в руки кормило, подложили под ноги шарообразное основание и лишили глаз, показывая всем этим непостоянство Тюхе. 3. Подобно тому как на корабле, попавшем в сильный шторм, когда он поглощается волнами и рискует потонуть, было бы пагубным делом доверить кормило слепому кормчему, точно так же, я думаю, и в этой жизни, когда приключаются со многими семьями крушения еще большие, чем с судами на море, неверным решением будет доверить себя в подобном положении дел слепой богине, которая и сама непрочно стоит на ногах. Ибо она преисполнена безумия настолько, что, часто проходя мимо достославных мужей, обогащает недостойных, да и их ненадолго, но лишь для того, чтобы снова лишить дарованного. 4. Немалая толпа невежественных мужей следует за этой богиней, которая никогда не остается на одном месте по причине подвижности ее основания, которое влечет и приводит ее иногда к пропастям и безднам морским. Там все следующие за ней погибают один за другим, лишь она выходит невредимой, насмехаясь над стенающими и взывающими к ней, когда все уже бесполезно.

III. 1. Таковы дела Тюхе. Но, с другой стороны, посмотри на Гермеса – владыку разума и мастера во всяком искусстве⁸, как противоположно Тюхе украсили его древние художники

---

⁴ Гален использует здесь терминологию, унаследованную из стоической философии, различая произносимое слово (λόγος προφορικός) и внутреннее (λόγος ἐνδιάθετος) (см. *Porphyr. De abstin.* III. 2. 1). С другой стороны, еще Аристотель (*Anal. post.* I. 10: 76b 24) различал слово, выражаемое посредством голоса (κατὰ φωνήν) и сокрытое в душе (κατὰ ψυχήν). Ср. *Iambl. Protr.* 5.

⁵ Представление о том, что искусство подражает природе, вполне традиционно для греческой философии. Пример о подражании паукам и пчелам, которым свойственно умение ткать и лепить, встречается у Сенеки (*Ep.* 121. 22). Однако он замечает, что эти искусства врожденные и им невозможно научиться; ср. *Quintil.* II. 16. 16.

⁶ Цитата из Пиндара (fr. 292, Snell–Maehler) впервые встречается в «Теэтете» (173e), где Платон рассуждает о месте философии в государстве. Ср. *Iambl. Protr.* 14.

⁷ О философии, которая есть мать всех искусств и дар божества, см. *Plat. Tim.* 47a. Эта тема, по всей видимости, стала одним из устойчивых топов протретиического жанра, который впоследствии получил развитие у многих отцов Церкви; см., например, *Clem. Alex. Strom.* V. 98. 5–8, *Euseb. Praep. euangel.* XII. 29. 2.

⁸ Платон, рассуждая в «Кратиле» (408a) об этимологии имени Гермеса, замечает, что «он толкователь воли богов – герменевт, вестник, ловок в речах и вся его деятельность связана с властью слова, а его имя означает «тот, который измыслил речь и слово» (пер. Т.В. Васильевой). Гален соотносит здесь λόγος – «слово/разум» с τέχνη – «искусством» как разумной логической деятельностью, к которой относится и медицина. Ср. *Dio Chrys. Or.* I. 65–83.

и скульпторы. 2. Это цветущий юноша, обладающий не приобретенной и не наведенной красотой, но такой, что сразу обнаруживает доблесть его души. У него сияющие очи, пронзительный взор и самое прочное и устойчивое из всех фигур основание – куб. А иногда и самого бога украшают этой фигурой. 3. И ты можешь увидеть его поклонников, сияющих подобно ведущему их богу: они никогда не упрекают его, как последователи Тюхе, никогда не покинуты и не брошены, но следуют за ним, постоянно наслаждаясь его попечением⁹.

IV. 1. А всех следующих за Тюхе ты узришь праздными и не ведающими искусств. Они постоянно увлекаются надеждами и мчатся за бегущей вместе с ними богиней, одни – рядом, а другие – поодаль, а некоторые даже цепляются за ее руку. 2. Среди всех них ты увидишь и того Креза Лидийского¹⁰ и Поликрата Самосского¹¹, и, быть может, удивишься, увидев, как одному Пактол струит золото, а другому служат морские рыбы. Вместе с ними узришь и Кира, и Приама, и Дионисия. 3. Но спустя некоторое время после этих [чудес] ты увидишь, что Поликрат распят на кресте, Крез покорен Киrom, а сам Кир – другими¹², увидишь, что Приам в осаде, а Дионисий в Коринфе¹³. 4. Если же ты присмотришься и к другим, которые вдалеке гонятся, не поспевая, за этой бегущей богиней, ты и вовсе возненавидишь эту свиту. Ибо есть здесь и множество демагогов, и гетер, и блудниц, и предателей друзей, есть и убийцы, и расхитители гробниц, и воры, многие не пощадили и самих богов, но и их святилища разграбили¹⁴.

V. 1. А другая свита – все благопристойные и мастера своих дел: они не бегут, не вопят и не спорят друг с другом, но посреди них бог, а вокруг него все располагаются в своем порядке, не оставляя места, которое он дал каждому. 2. Самые близкие к богу, расположившиеся вокруг него, суть геометры, арифметики, философы, врачи, астрономы и грамматика. Следом за ними второй сонм: художники, скульпторы, преподаватели грамоты¹⁵,

---

⁹ В гл. II–V Гален вводит экфрасис, отвечая жанровым запросам своего времени. Известное противопоставление $\tau\acute{\upsilon}\chi\eta$ и $\tau\acute{\epsilon}\chi\eta$ встречалось еще у софистов, о $\tau\acute{\upsilon}\chi\eta$ и Ἀρετῆ упоминает Плутарх (*De fort. Rom.* 317c–318d). Большое число параллельных мест с текстом Галена встречается при описании $\tau\acute{\upsilon}\chi\eta$ и Παίδεια в «Картинах» Кебета, небольшом сочинении I в. н.э., издававшемся обычно вместе с «Энхиридионом» Эпиктета (ср. Pesce 1982).

¹⁰ Крез, последний царь Лидии, прославившийся своим богатством, был захвачен в плен персидским царем Киrom II после взятия Сард (546 г. до н.э.), а его царство присоединено к персидской державе (см. *Herod.* I. 6–94). Пактол – река в Лидии, которая называлась $\chi\rho\upsilon\sigma\sigma\rho\acute{\upsilon}\rho\alpha\varsigma$ – «златоструйная», поскольку ее воды в изобилии несли золотой песок.

¹¹ Поликрат, самосский тиран, в правление которого островной Самос стал одним из сильнейших полисов Эллады, также испытал на себе превратности судьбы. В 522 г. до н.э. персидский сатрап Сард Оройт хитростью заманил его в Магнезию, где предал мучительной смерти (см. *Herod.* III. 125). Геродот приводит также известную историю о Поликратовом перстне.

¹² Существует несколько версий смерти Кира II Великого (600–529 гг. до н.э.). Согласно Геродоту, Кир после 29 лет правления погиб во время похода против массагетов, которые угрожали северо-восточным границам Персидской державы (см. *Herod.* I. 201–214).

¹³ Сиракузский тиран Дионисий Младший был вынужден бежать из Сиракуз в результате народных волнений в 344 г. до н.э. и сдать Тимолеонту, который направлялся во главе войска коринфян на помощь жителям Сиракуз. Дионисий был сослан в Коринф, где умер в нищете в 337 г. до н.э. (см. *Nep. Timol.* 20. 2; *Diod.* XVI. 70).

¹⁴ Этот параграф и приведенный выше образ Тюхе близко перекликаются с сочинением современника Галена, ритора Фаворина Арелатского, *De fortuna* (текст сохранился среди речей Диона Хрисостома: *Or.* 64). Гален был хорошо знаком с его текстами и часто полемизировал с ними; см., например, *De opt. doct. contra Fav.* (Kühn I. 40–52 = Barigazzi. *CMG* V. I. 1, 89–109).

¹⁵ Гален различает преподавателя грамоты или грамматиста ($\gamma\rho\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\iota\sigma\tau\acute{\iota}\varsigma$), который учил читать и писать, представляя первый элементарный уровень грамматических знаний, и грамматика ($\gamma\rho\alpha\upsilon\mu\alpha\tau\acute{\iota}\kappa\acute{o}\varsigma$), преподавателя второго уровня, который занимался изучением

плотники, зодчие, камнетесы, а после них и третий ряд: все прочие виды искусств. Такого их соразмерное расположение, и все они взирают на бога, повинувшись его всеобщему повелению. 3. И ты узришь здесь вместе с самим богом многих, которые составляют некий четвертый ряд, собранный из других людей, не похожих на спутников Тюхе. Ибо этот бог привык судить о достоинстве людей не по общественному положению, и не по знатности рода, и не по богатству, но почитает и выводит вперед, всегда имея подле себя, тех, кто честно живет, первенствует в своих искусствах, следует его повелениям и трудится по правилам искусства. 4. Поразмыслив о том, какова эта свита, ты, я думаю, не только восхвалишь ее, но даже преклонишься. Ибо в ней и Сократ, и Гомер, и Гиппократ, и Платон, и их ревнители, которых мы почитаем наравне с богами, будто неких наместников и служителей божних. И среди всех прочих нет никого, кто был оставлен когда-либо им в пренебрежении. Ибо он не только заботится о присутствующих, но и с плавающими плавает и терпящих кораблекрушение не покидает. 5. Так некогда Аристипп¹⁶, когда его корабль разбился во время плавания, и он был выброшен на берег сиракузян, сразу обрел силу духа, узрев на песке геометрическую фигуру. Ибо он решил, что попал к грекам и мудрым мужам, а не к варварам. Затем, когда он прибыл в гимнасий сиракузян, да еще произнес строки:

Кто странника бездомного Эдипа
Сегодня скудным встретит подаяннем?¹⁷

к нему подошли люди, узнали, кто он, и тотчас подали ему все необходимое. Когда же некоторые, собираясь плыть в Кирену, на его родину, спрашивали, не передаст ли он что-нибудь близким, он сказал, что велит приобретать им те богатства, которые выплывут вместе с потерпевшим кораблекрушение¹⁸.

VI. 1. Многие из злополучных и постоянно взиравших на богатство, когда оказались в таком положении дел, привязывали к себе и возлагали на тело золото или серебро, но вместе с ним погубили и душу, не в состоянии заметить даже то, что у неразумных животных они, первые, больше любят то, что украшено искусствами. 2. Ведь и боевых коней и охотничьих псов они предпочитают всем прочим и, хотя обучают рабов искусствам, часто тратя на них весьма много серебра, сами собой пренебрегают. Ну разве не постыдно, что раб иногда стоит десятков тысяч драхм, тогда как сам его хозяин не стоит и одной?¹⁹ И что я говорю – одной? Никто и даром не взял бы такого! Так неужели они не обесчестили единственно из всех самих себя, не научившись никакому искусству? 3. Ибо когда они обучают неразумных животных навыкам искусств и считают, что ленивый и необученный никакому искусству раб ничего не стоит, заботятся об угодьях и других владениях, чтобы каждое было в наилучшем состоянии и только о себе небрегут, даже не зная, обладают ли душой, то очевидно, что они подобны негодным рабам. 4. Поэтому, встретив такого мужа, можно справедливо сказать ему: «О человек, дом у тебя в порядке и все рабы, и

и критикой классических авторов (см. Марру 1998, 225–226). У Галена грамматики принадлежат кругу представителей благородных и теоретических искусств, тогда как грамматисты соседствуют с представителями творческих искусств, таких, как живопись, скульптура и архитектура.

¹⁶ Аристипп из Кирены (ок. 435 – ок. 355 гг. до н.э.) был учеником Сократа и основателем киренской или гедонической философской школы.

¹⁷ *Soph. Oed. Col.* 3–4 (пер. С.В. Шервинского).

¹⁸ Этот известный анекдот встречается в разных версиях у многих авторов. Цицерон (*De re publ.* I. 29 sqq.) упоминает о нем применительно к Платону, у Диогена Лаэртского (VI. 6) речь идет об Антисфене, Витрувий (VI прооет. 1) приписывает его Аристиппу, но действие происходит у него не в Сиракузах, а на Родосе. Однако наиболее вероятным источником для Галена послужил протрептик стоика I в. до н.э. Посидония Апамейского. См. Galien 2002, 15–16.

¹⁹ Ср. *Arist. Protrept. Fr. 3 (Stob. 3. 3. 25); Epict. Dissert. III. 26. 25; Clem. Alex. Paedag.* III. 6.

даже лошади и собаки, и угодыя и все, чем владеешь, находится в прекрасном состоянии, а сам о себе ты заботишься плохо»²⁰. 5. Итак, прекрасно поступили Демосфен и Диоген²¹: один, – назвав богатых и невежественных златорунными баранами, а другой, – уподобив их смоковницам, растущим на утесах. Ибо плоды последних едят не люди, но вороны или галки, а деньги первых не приносят никакой пользы людям воспитанным, но расточаются на льстецов²², которые в случае полного истощения денег при встрече проходят мимо, делая вид, что незнакомы. 6. Поэтому не чужд Музам²³ был тот, кто сравнил таких людей с источниками²⁴. И в самом деле, те, кто прежде черпал из источников, когда они уже не имеют воды, поднимают платье и мочатся в них. И справедливо, что знаменитые только деньгами вместе с их лишением тотчас лишаются и всего остального, что имели благодаря им. Ибо что еще могли претерпеть те, кто не обрел никакого личного блага, но всегда кичился чужим и зависящим от Тюхе?

VII. 1. Таковы и те, кто ссылается на знатность рода и гордится ею. Ибо и они по недостатку собственных благ полагаются на происхождение, даже не сознавая, что сама знатность рода, которой они кичатся, подобна монетам, имеющим хождение в каждом городе, которые обладают ценностью у тех, кто их выпустил, но бесполезны у других.

Но кровь тебя от черни отличала ...

Что в знатности? Ведь ей не проживешь²⁵.

2. Итак, прекрасное сокровище, как говорит Платон, – доблести отцов²⁶, но еще прекраснее – быть в состоянии противопоставить ему слово Сфенела:

Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее²⁷.

Ведь если есть какая-то польза от знатного происхождения, то мы обладали бы только им для подражания семейному примеру. Таким образом, если мы окажемся весьма далеки от доблести предков, то они будут испытывать огорчение, если есть у них какое-нибудь чувство, и нам самим будет стыдно тем более, чем более знаменит род²⁸. 3. Ибо неучи из

²⁰ Ср. *Hom. Od.* XXIV. 249 (далее «Одиссея» цитируется в пер. В.А. Жуковского).

²¹ Демосфен (384–322 гг. до н.э.) – известный древнегреческий оратор; Диоген Синопский (ок. 412–323 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, основатель школы киников, ученик Антисфена.

²² Об игре слов *κόλακες* – «льстецы» и *κόρακες* – «вороны», которую, видимо, подразумевал Гален, упоминает Диоген Лаэртский (VI. 4) и Стобей (III. 14. 17), приписывая Антисфену изречение: «Лучше попасться стервятникам, чем льстецам: те пожирают мертвых, эти – живых» (пер. М.Л. Гаспарова). О ней же упоминает Максим Исповедник (Loc. comm. 11. PG. 91. 792 B), связывая ее с именем Демосфена. Третья традиция называет ее автором Диогена (*Athen.* VI. 254 C).

²³ ἄμωσος – «чуждый Музам» – реминисценция из трагедии Еврипида «Сфенебея» (fr. 663 Nauck). Ср. *Plat. Symp.* 196e.

²⁴ Автор этого сравнения не установлен. В Будон-Мийо предполагает, что анекдот возник в среде философов-киников (*Galien* 2002, 22, 126).

²⁵ *Eurip.* Phoen. 404–405 (пер. И.Ф. Анненского). В этих двух стихах Иокаста спрашивает Полиника о жизни в изгнании. Цитаты из этой трагедии встречаются также в произведениях, написанных в жанре утешения, обращенного к тем, кто утратил родину и положение, которые представляют собой лишь внешние блага. См. *Favor. De exil.* (Barigazzi 1966, 382); *Plut. De exil.* 606 E.

²⁶ См. *Plat. Menex.* 247b (ср. *Iambl. Protr.* 19). Тема подражания отцовским доблестям получила в дальнейшем развитие у Исократа (*Ad Demon.* 11) и Аристотеля (*Rhet.* II. 15).

²⁷ *Hom.* II. IV. 405 (здесь и далее «Илиада» цитируется в пер. Н.И. Гнедича).

²⁸ Ср. *Plat. Menex.* 247 a–b, 248b.

никому не ведомого рода выигрывают хотя бы тем, что большинству не известно, кто они такие. А все те, кому слава и известность рода не позволяют оставаться незамеченным, разве не от своей знаменитости страдают? В самом деле, недостойные рода порицаются сильнее, так что, если какой глупец упомянет о славе рода, то делает свой проступок еще более непростительным. 4. Ибо мы неодинаково оцениваем и испытываем первых встречных и людей знатного происхождения: одних принимаем, даже если они оказываются посредственными, списав причину их недостатка на низкое происхождение, а другие, если не обладают ничем, достойным предков, уже не вызывают у нас никакого удивления, даже если сильно отличаются от всех других. 5. Поэтому, если кто благоразумен, да обратится к упражнению в искусстве, благодаря которому, если он благородного происхождения, то не окажется недостойным своего рода, а если не таков, то сам украсит свой род, подражая тому древнему Фемистоклу, который, когда его попрекали происхождением, сказал: «Но я буду родоначальником для своих потомков, и мой род начнется с меня, а твой – на тебе закончится»²⁹. Ты видишь, ничто не мешает восхищаться скифом Анахарсисом и называть его мудрецом, хотя он был варварского происхождения. Когда кто-то однажды попрекал его тем, что он варвар и скиф, он ответил: «Мне позор родина, а ты – родине»³⁰, совершенно замечательно обличив того, кто недостойн никакого упоминания, но гордится только родиной. 6. И если бы ты внимательно исследовал эти вещи, то обнаружил бы, что не благодаря городам граждане стяжают славу, но, наоборот, благодаря добрым мужам, преуспевающим в искусствах, сохраняется память и об их отечестве. В самом деле, кто говорил бы о Стагире, если не Аристотель? А кто о Солах, если бы не Арат и Хрисипп³¹? И когда далеко распространилось имя самих Афин, то [произошло это] не благодаря плодородию земли – ибо она скудна, но благодаря рожденным на ней, которые, в большом числе став выдающимися людьми, часть своей славы передали и родине. 7. И ты яснейшим образом познал бы истинность этого суждения, если поразмыслил о Гиперболе и Клеоне³², которые из Афин извлекли лишь ту выгоду, что стяжали известность своим злодеяниям.

Было: свиньями звали беотийский народ³³,

– говорит Пиндар и снова он:

Избежим ли мы брани: «свинья беотийская»³⁴,

желая своей музыкой снять поношение почти со всего народа за невежество.

---

²⁹ Фемистокл (ок. 524–459 гг. до н.э.) считался незаконнорожденным. По отцу он происходил из аристократического рода Ликомидов, однако его мать была рабыней. По версии Корнелия Непота (*Themist.* 2. 1), она была родом из Акарнании, а согласно Плутарху (*Themist.* 1–2), – из Карии или Фракии. Слова, которые Гален приписывает здесь Фемистоклу, Стобей относит к Ификрату Афинскому (*IV.* 29. 15).

³⁰ Один из семи греческих мудрецов, Анахарсис, был скифом по происхождению. Согласно легенде, он путешествовал по Греции (*Herod.* *IV.* 76) и в 589 г. до н.э. гостил у Солона в Афинах (*Plut.* *Sol.* 5). Ответ Анахарсиса на упрек относительно его происхождения приводят также Диоген Лаэртский (*I.* 104) и Стобей (*IV.* 29. 16).

³¹ Александрийский поэт Арат (315–240 гг. до н.э.), уроженец киликийского города Сола, философ и математик, собрал и систематизировал в единственной сохранившейся поэме «Явления» астрономические знания своего времени. Философ-стоик Хрисипп (281/278 – 208/205 гг. до н.э.) также был уроженцем Сол.

³² Гипербол и Клеон, предводители партии демократов во время Пелопоннесской войны, известные демагоги, описаны у Фукидида и Аристофана («Всадники»).

³³ *Pind.* *Fr.* 83 (Snell–Maehler) (пер. М.Л. Гаспарова).

³⁴ *Pind.* *Olymp.* 6. 90. О Беотии, родине Пиндара, и невежестве ее жителей, которые заслужили прозвище беотийских свиней, упоминает в одной из речей Фемистий (*Orat.* 27. 334b–c).

VIII. 1. И можно воздать хвалу афинскому законодателю, который запрещал тому, кто не обучил сына ремеслу, получать от него пропитание³⁵. Ведь поскольку во всяком ремесле упражняются главным образом в то время, когда тела находятся в расцвете сил, случилось так, что многие известные своей красотой юноши пренебрегли своей душой, а позже, когда было уже бесполезно, говорили:

О если б суждено было злосчастно согнуть красоте,
которая меня сгубила³⁶.

2. Тогда им приходит на ум и слово Солона, который повелевает взирать главным образом на конец жизни³⁷. Затем, и старость они бранят – и поделом им – и восхваляют Еврипида, который говорит: «Небезопасно превыше обычной стяжать красоту»³⁸. Лучше, познав, что красота юношей подобна весенним цветам и радуется недолгое время, восхвалить лесбосскую [певицу], которая говорит:

Ибо тот, кто красив, лишь взор пленяет,
Добрый же муж будет сразу прекрасен³⁹,

3. и послушать Солона, который выражает ту же самую мысль: к старости, которая подстерегает подобно зимней буре и нуждается не только в сандалиях и одежде, но и в удобном доме и великом множестве других вещей, нужно готовиться, подобно доброму кормчему, задолго до ненастья⁴⁰. Ибо прискорбно, что «событие зрит и безумный»⁴¹. 4. В самом деле, можно было бы спросить, для чего нужна красота необученному никакому искусству юноше? Неужели для войны? И, конечно, вполне уместно было бы обратиться к таким людям со словами:

Ты занимайся делами приятными сладостных браков⁴²

или:

Шествуи, любезная, в дом, озаботься своими делами⁴³.

Ведь и Нирей,

прекраснейший муж, пришел к Илиону,
Но не мужествен был он⁴⁴,

и потому Гомер упомянул его лишь однажды в перечне кораблей, чтобы показать, как мне кажется, бесполезность прекраснейших мужей, когда они не обладают ничем пригодным для жизни. 5. Но и для стяжания денег, – хотя некоторые из злополучных дерзают утверждать обратное, – красота бесполезна. Ибо заработок, достойный человека свободного, честный и надежный, по своей природе бывает от ремесла, а тот, который от тела и красо-

³⁵ Гален имеет в виду известный закон Солона; см. *Plut. Sol.* 22. 1; ср. *Vitr.* VI. 3.

³⁶ TGF. Fr. adesp. 174 (Kannicht–Snell).

³⁷ Ср. *Herod.* I. 32. 9; 86. 3; *Arist. Eth. Nic.* I. 11. 1100a 11.

³⁸ *Eurip.* Fr. 928 (Nauck).

³⁹ *Sappho.* Fr. 50 (Lobel–Page).

⁴⁰ Ср. *Ps.-Plut.* De lib. educ. 11. 8 C; *Favor.* De exil. 25. 1 (Barigazzi 1966, 403. 25–404. 1).

⁴¹ *Hom.* II. XX. 198.

⁴² *Hom.* II. V. 429.

⁴³ *Hom.* II. VI. 490.

⁴⁴ *Hom.* II. II. 673, 675 (с изменениями). Красота Нирейя, самого прекрасного и самого уязвимого из ахейских воинов, по всей видимости, вошла в поговорку. Ср. *Horat.* Carm. III. 20. 15, Ep. 15. 22; *Ovid.* Ep. ex Pont. IV. 13. 16.

ты, – безобразен и постыден. 6. Поэтому необходимо, чтобы юноша, полагаясь на древнюю заповедь⁴⁵, взглянул на свое отражение в зеркале и, если он будет красив видом, старался и душу сделать такой же, решив, что нелепо в красивом теле жить безобразной душе, если же телесный облик покажется ему безобразным, то тем более заботился о душе, чтобы мог произнести слова Гомера:

Тот по наружному виду внимания мало достоин –
Прелестью речи зато одарен от богов; веселятся
Люди, смотря на него, говорящего с мужеством твердым
Или с приветливой кротостью; он украшенье собраний;
видят, когда он проходит по улицам града⁴⁶.

7. Стало быть, для тех, кто не совсем лишен разума, из всего сказанного ясно следует, что не нужно, полагаясь на знатность рода, богатство или красоту, презирать упражнение в искусстве. 8. Итак, достаточно и этого, но, возможно, лучше добавить еще и слово Диогена, словно некий прекрасный эпод⁴⁷. Приглашенный на пир к одному из тех, кто усердно заботился обо всем своем имени и только собой совершенно пренебрегал, он откашлялся, чтобы сплюнуть, а затем, оглянувшись вокруг, ни на что окружающее не плюнул, но плюнул только на хозяина дома. 9. Когда же тот пришел в негодование и спросил о причине, Диоген ответил, что не видит ничего столь запущенного в доме, как он сам. Ибо он видел, что все стены были украшены замечательными росписями, пол состоял из драгоценных камней, запечатлев изображения богов, и все сосуды сияли чистотой, и покрывала и ложа были искусно украшены, и лишь хозяин оставлен без попечения. А все люди привыкли плевать в самые отвратительные из окружающих их мест⁴⁸. 10. Итак, не допусти, о юноша, стать достойным оплевания, даже если кажется, что все прочее находится у тебя в прекраснейшем состоянии. Ибо редко можно достичь всех благ сразу: быть благородного происхождения, богатым и в то же время красивым. Если же это и встречается когда-нибудь, то ужасно было бы среди всего имени самому оказаться единственно достойным оплевания.

IX. 1. Так вот, о чада, которые, выслушав мои слова, устремились к изучению искусства – дабы какой обманщик и шарлатан, введя вас однажды в заблуждение, не научил пустому или дурному ремеслу, – знайте, что все те занятия, которые не имеют целью приносить пользу в жизни⁴⁹, не суть искусства. 2. И относительно

---

⁴⁵ О физической красоте, которая должна сопровождаться красотой души, см. *Plut. Coniug. graec.* 25. 141 D; *Diog. Laert.* II. 33. Стобей вкладывает эти слова в уста Сократа (II. 31. 98) и Бианта (III. 172).

⁴⁶ *Hom. Od.* VIII. 169–173.

⁴⁷ Относительно значения слова «эпод» Гален замечает в самом конце *De usu partium* (XVII. 3): «Эти достоинства законченного нами труда <...> выясняет эта книга, как какой-нибудь хороший эпод (ἐπὸδος); я употребляю это слово не в значении “пользующийся заговорами” (ἐλφδαίς). Но мы знаем, что у мелических поэтов, которых некоторые называют лирическими, есть строфа, антистрофа и третья, заключительная часть песни – эпод, который они, как говорят, пели стоя перед жертвенником и воспевая богов. Уподобляя свою последнюю книгу такому эподу, я и дал ей это название» (пер. С.П. Кондратьева). Таким образом, анекдот Диогена служит заключением длинного рассуждения о внешних благах (богатстве, благородстве и красоте), которые не должны служить препятствием для заботы юношей о душе и истинном искусстве.

⁴⁸ Об этом анекдоте упоминает и Диоген Лаэртский, приписывая его в одном месте Диогену Синопскому (VI. 32), а в другом – Аристиппу (II. 75).

⁴⁹ Это определение, видимо, унаследовано из стоической философии. См. *Zeno. SVF.* I. 73.

прочего я совершенно убежден, что вы не считаете искусством ни одно из тех занятий, которое состоит в акробатических трюках, хождении по тонким веревкам, круговращении без потери сознания и подражании Мирмикиду афинянину и Калликрату лакедемонянину⁵⁰. 3. Я только страшусь занятия атлетов, как бы оно однажды, обещая телесную силу, доставляя славу многим людям, почитаясь у отцов ежедневными раздачами серебра за общественный счет и вообще удостаиваясь почестей, сравнимых с теми, что воздают знатнейшим⁵¹, не обольстило кого-нибудь юношу, так что он предпочел бы его какому-то искусству⁵². Поэтому лучше заранее поразмыслить об этом. Ибо всякий человек легко поддается обольщению тем, чего не предвидел. 4. Человеческий род, о чада, причастен богам и неразумным животным, первым – поскольку разумен, а вторым – поскольку смертен. Стало быть, лучше, осознавая причастность к превосходящему, позаботиться о воспитании, преуспев в котором, мы обретем величайшее из благ, а потерпев неудачу, не будем испытывать стыд, оказавшись слабее самых ленивых животных. А неудача в атлетическом упражнении тела – весьма позорна, преуспевание же в нем еще не превосходит неразумных животных. 5. Ибо кто отважнее львов или слонов, кто быстрее зайца? Кто не знает, что подобно тому как боги прославляются именно за искусства, так и лучшие из людей были удостоены божественной почести не потому, что хорошо пробежали на состязаниях, метнули диск или вышли победителем в борьбе, но за благодеяние, доставленное искусствами? 6. Ведь Асклепий и Дионис – были ли они прежде людьми, или издревле богами⁵³ – удостаиваются величайших почестей, один – за медицинское искусство, а другой – за то, что научил нас искусству виноделия. 7. Если же ты не хочешь поверить мне, то побойсь хотя бы пифийского бога. Он назвал Сократа мудрейшим из всех людей⁵⁴ и изрек Ликургу такие слова:

Ты притек, о Ликург, к дарами обильному храму,
Зевсу любезный и всем на Олимпе обитель имущим,
Смертный иль бог ты? Кому изрекать прорицанье должна я?
Богом скорее, Ликург, почитать тебя нужно бессмертным⁵⁵.

---

⁵⁰ Мирмикид афинянин и Калликрат лакедемонянин были известными авторами миниатюрных композиций александрийской эпохи, которые работали в жанре *μικροτεχνία*. Ср. *Aelian*. Var. hist. I. 17; *Plin*. HN. VII. 85; *Plut*. De comm. not. adv. Stoic. 1058e–1086b; *Athen*. XI. 19. 2. Согласно Элиану и Афиней, Мирмикид происходил из Милета.

⁵¹ О том, как греки почитали победителей спортивных игр, см. *Plat*. Resp. V. 465d; *Vitr*. IX. 1; *Athen*. X. 6 (фрагмент из поэмы Ксенофана).

⁵² Осуждение профессиональной спортивной карьеры встречалось у Еврипида (см. отрывок в X. 3), Платона, Аристотеля и было распространено в среде философов-киников. Ср. *Ps.-Plut*. De lib. educ. 11; *Galen*. De const. art. med. 37.

⁵³ Согласно Гомеру, Асклепий был не богом, а царем Фессалии. Его отцом считался Аполлон, а матерью – нимфа Коронида, но за свои познания в медицине он получил бессмертие и стал богом врачевания. Дионис был также полубогом – сыном Зевса и смертной Семелы, дочери Кадма и Гармонии.

⁵⁴ Об этом эпизоде упоминает сам Сократ в платоновской «Апологии» (21a), объясняя, что его репутация мудреца происходит от дельфийского оракула, данного некоему Херефону. На его вопрос о том, есть ли кто на земле мудрее Сократа, Пифия ответила, что никого нет. Ср. *Diog. Laert*. II. 37.

⁵⁵ *Herod*. I. 65. 3. (пер Г.А. Стратановского). Согласно Геродоту, будущий спартанский законодатель Ликург прибыл в Дельфы, чтобы спросить совета оракула. Как только он вошел в храм, Пифия приветствовала его этими словами, а затем продиктовала ему конституцию, которую Ликург должен был установить в Спарте.

И тот же самый бог, как мы видим, воздает немалые почести и смерти Архилоха. Ибо когда убийца хотел войти в его храм, он запретил ему, сказав:

Музам сразил ты слугу, убирайся от храма подальше⁵⁶.

Х. 1. Назови мне и ты наименования атлетов. Но ты не назовешь, потому что тебе нечего сказать, разве только ты не отверг какого-нибудь свидетеля как недостойного доверия. В самом деле, ты как будто обнаруживаешь нечто подобное, когда обращаешься к свидетельству многих и ссылаешься на воздаваемую ими славу. 2. Однако и во время болезни, я хорошо это знаю, ты не доверил бы себя многим, но лишь некоторым из всех, причем наиболее сведущим из них во врачебном искусстве. Также и во время плавания – не всем плывущим вместе с тобой, но одному кормчему. И уже в менее важных вещах: во время строительства – плотнику, а нуждаясь в обуви – сапожнику. Как же теперь, когда спор идет о вещах первостепенной важности, ты усваиваешь право судить о них себе, отбирая его у более мудрых, нежели ты, мужей? 3. Я уже опускаю упоминание о богах. Послушай же, как Еврипид мыслит об атлетах:

Из тысяч бед, терзающих Элладу,
нет ничего атлетов рода хуже.
Во-первых, не стремятся здраво жить
они и не могли бы: как тот муж,
что глотке раб и угождает чреву,
стяжал бы счастье родине служить?
Затем, нужде и судьбам покоряться
они не в силах, нравов добрых чужды,
с трудом лишения претерпевают⁵⁷.

4. А о том, что каждое из их занятий бесполезно, послушай снова, если угодно, его слова:

какой борец, какой проворный муж,
иль дискобол, иль сокрушивший челюсть,
помог отчизне, получив венок?⁵⁸

Если же хочешь услышать еще подробнее, снова послушай его слова:

сразятся ли они с врагом, в руках
имея диски, или по щитам
ногами бегая, спасут отчизну?
Никто не глуп настолько пред железом⁵⁹.

5. Осудим ли мы Еврипида и ему подобных и предоставим суд философам? Но и они все будто едиными устами признают, что это дурное занятие. И уж, конечно, ни один из врачей не одобрил его. Прежде всего, выслушай слова Гиппократов: «Атлетическое сложение не соответствует природе; здоровое состояние прекраснее»⁶⁰, а затем и всех прочих наилучших врачей, бывших после него. 6. Вообще,

---

⁵⁶ Из сочинений поэта Архилоха, жившего в первой половине VII в. до н.э., сохранились лишь фрагменты; см. Test. 14 (Lasserre–Bonnard). По преданию, Архилох был убит неким Калондом, которому оракул отказался отвечать на вопросы; см. *Plut. De sera num. vind.* 560e; *Aelian. Fr.* 80.

⁵⁷ *Eurip. Fr.* 282. 1–9 ex Autolyco (Nauck).

⁵⁸ *Eurip. Fr.* 282. 16–18 (Nauck). Ср. *Athen. X.* 5.

⁵⁹ *Eurip. Fr.* 282. 19–22 (Nauck).

⁶⁰ *Hippocr. De alim.* 34 (пер. В.И. Руднева).

я не хотел, чтобы выносили суждение, полагаясь на свидетеля⁶¹, ибо подобный прием свойствен скорее оратору, чем мужу, почитающему истину. Однако, поскольку некоторые находят прибежище в одобрении толпы и воздаваемой ею пустой славе, я был вынужден, опустив рассмотрение самого этого занятия отвлеченно от внешних [вещей], и в этом случае привести свидетелей, чтобы они знали, что и здесь не имеют никакого преимущества. 7. Поэтому настало уже время рассказать мне историю Фрины⁶²: однажды на пиру во время игры, которая заключалась в том, чтобы каждый по очереди отдавал по своему желанию приказания сотрапезникам, она, заметив, что присутствующие женщины были накрашены анхузой, белилами и румянами⁶³, приказала, чтобы они, зачерпнув руками принесенной воды, сразу поднесли ее к лицу, а затем тотчас вытерлись полотенцем, и сама первая так и поступила. 8. У всех других лицо покрылось пятнами, и более всего они стали походить видом на пугала, она же стала казаться еще краше. Ибо только она была не накрашена и, будучи красавицей от природы, не нуждалась ни в каком косметическом ухищрении. Итак, подобно тому как истинная красота точно распознается только сама по себе, будучи лишена всего привходящего в нее извне, так и занятие атлетов следует рассматривать отдельно, имеет ли оно, как окажется, нечто полезное или в общественном отношении для городов, или в частном – для занимающихся им.

XI. 1. Среди существующих в природе благ одни относятся к душе, другие к телу, а третьи – внешние⁶⁴, и помимо них невозможно помыслить никакой иной род благ. То, что душевных благ атлеты никогда не были причастны, очевидно всякому. Ведь они даже не знают, имеют ли душу: настолько далеки они от осознания того, что она разумна. Ибо, накапливая постоянно массу плоти и крови, атлеты обладают душой, которая словно бы увязла в глубокой трясине⁶⁵, не способна ни о чем точно мыслить, но безрассудна, подобно лишенным разума животным⁶⁶. 2. Но, возможно, они возразят, что обладают каким-то из телесных благ. Неужели они сошлются на ценнейшее здоровье? Но ты не найдешь никого другого, чье телесное состояние находилось бы в большей опасности, если только следует верить Гиппократу, который сказал, что предельно хороший внешний вид, к которому они стремятся, опасен⁶⁷. 3. И все восхваляют прекрасное изречение Гиппократа: «Поддержание здоровья: ни пресыщения пищей, ни воздержания от труда»⁶⁸. Они же,

---

⁶¹ Об использовании цитат для иллюстрации и подтверждения собственного мнения как риторическом приеме, от которого Гален предпочел бы воздержаться, но который признает неизбежным, см. *Plat. Alcib. I. 117e*; *Xenoph. Memor. III. 3. 9*.

⁶² Фрина, известная афинская гетера первой половины IV в. до н.э., славилась своей красотой и позировала для скульптур Праксителя; см. *Plin. HN. 34. 70*. Плутарх (*De Pyth. orac. 401. a–e*) сообщает, что статуя Фрины находилась в Дельфах наряду со знаменитыми мужами и царями. Один из отвергнутых поклонников – Евфий – обвинил ее в безбожии и привлек к суду Ареопага. Однако благодаря защите оратора Гиперида она была оправдана; см. *Athen. XIII. 590–591*; *Alciph. Ep. IV. 3*.

⁶³ Анхуза (ἄγχουσα) – корень одноименного растения, из которого добывалась красная краска для лица; белила (ψιμίθιον) делали из свинцового порошка, который использовался для отбеливания кожи; румяна (φύμος) получали из пурпурных водорослей.

⁶⁴ Трехчастное деление благ на относящиеся к душе, к телу и внешние блага восходит к перипатетической традиции.

⁶⁵ Ср. *Plat. Resp. VII. 533d*; *Phaed. 69 c*.

⁶⁶ Ср. *Plat. Resp. III. 404a*; *Hieronym. Adv. Iovin. II. 11 (PL. 23. 300 B)*.

⁶⁷ Ср. *Hippocr. Aphor. I. 3*.

⁶⁸ *Hippocr. Epid. VI. 4. 18*.

напротив, занимаются тем, что подвергают себя чрезмерным трудам и пресыщению, совершенно презрев слово древнего [врача], будто беснующиеся корибанты. Ибо он, подразумевая здоровый образ жизни, говорил: «труды, пища, питье, сон, сношения – все умеренно»⁶⁹. 4. Они же упорно упражняются каждый день сверх надлежащей меры и принуждают себя принимать пищу, часто растягивая трапезу до полуночи, так что можно по праву сказать о них:

Все, и бессмертные боги и коннодопешные мужи,
Спали целую ночь, усмиренные сном благодатным.
Лишь атлетов злосчастных сон не охватывал сладкий»⁷⁰.

Таким образом, мера, соответствующая их [привычкам], управляет и их сном. 5. Ибо, когда те, кто живет по природе, возвращаются с работы, испытывая потребность в пище, тогда эти встают ото сна, так что их жизнь подобна времяпрепровождению свиней⁷¹, за тем лишь исключением, что свиньи не заняты непосильным трудом и не принуждают себя есть, тогда как атлеты претерпевают и это, а иногда и спины их раздирают розовым лавром⁷². 6. Так вот, древний Гиппократ помимо сказанного прежде, говорит еще и следующее: «Много и сразу опорожнять или наполнять, или согреть, или охлаждать, или другим каким-либо способом возбуждать тело – опасно, ибо всякое, – говорит, – излишество противно природе»⁷³. Атлеты же ни этим словам не внимают, ни другим, преступая все прекрасные наставления того мужа, но занимаются совершенно противоположным тому, что предписано им для здоровья. 7. А потому я назвал бы это занятие упражнением, ведущим не к здоровью, но скорее к болезни. И полагаю, что это подразумевал и сам Гиппократ, когда говорил: «Атлетическое сложение не соответствует природе; здоровое состояние превосходнее»⁷⁴. 8. Ведь этими словами он показал, что это занятие не только лишено того, что согласно с природой, но даже не назвал состоянием (ἔξις) их сложение (διάθεσις), лишив их этого наименования, которым все древние называют поистине здоровых людей. Ибо состояние – это нечто постоянное и трудноизменяемое, а предельно хороший вид атлетов – непрочный и скоропреходящий. Ведь по причине достижения своих пределов он уже не приемлет возрастания и вследствие неспособности оставаться на той же точке и пребывать в покое ему остается только склоняться к худшему⁷⁵. 9. Таково состояние их тела, когда они подвизаются, когда же перестают, становится намного хуже. Ибо одни спустя некоторое время умирают, другие достигают более старшего возраста, но и они не доживают до старости, а если и достигают ее когда-нибудь, то ни в чем не уступают гомеровским Литам, сделавшись

Хромы, морщинисты, робко подьемлющи очи косые⁷⁶.

⁶⁹ *Hippocr. Epid. VI. 6. 2.*

⁷⁰ *Hom. II. XXIV. 677–679* (с изменениями). В 679 стихе «Илиады» речь идет о Гермесе («Гермеса токмо заботного сон не осиливал сладкий»), которого Гален заменяет на атлетов.

⁷¹ Ср. *Plat. Resp. VII. 535e; IX. 586a.*

⁷² По-видимому, речь идет о телесном наказании ветвями олеандра (= розового лавра), которому подвергали юношей учителя гимнастики.

⁷³ *Hippocr. Aphor. II. 51.*

⁷⁴ *Hippocr. De alim. 34.*

⁷⁵ Ср. *Hippocr. Aphor. I. 3; Galen. De bono hab. (Kühn IV. 750–756), Thrasyb. sive utrum med. (Kühn V. 806–898).*

⁷⁶ *Hom. II. IX. 503.* Литы – дочери Зевса, олицетворявшие собой угрызения совести.

Ибо подобно тому как стены, расшатанные боевыми машинами, с легкостью разрушаются от любого повреждения, не в состоянии выдержать ни землетрясения, ни какой иной малейшей опасности, так и тела атлетов, став уязвимыми и немощными от ударов, полученных в результате их занятия, склонны страдать по любому поводу⁷⁷. 10. Ибо глаза, часто подбитые, когда сил уже недостаточно, наполняются истечениями; зубы, поскольку часто сокрушались, со временем утрачивают силу и быстро выпадают; вывернутые суставы становятся бессильны против всякого внешнего воздействия, и легко причиняется всякий перелом и разрыв⁷⁸. 11. Итак, очевидно, что относительно телесного здоровья нет никакого иного более жалкого рода (ἀθλιώτερον), чем атлеты (ἀθλητῶν), а потому вполне справедливо можно сказать, что они имеют сродное имя, поскольку или атлеты получили свое название от слова «жалкий» (ἀθλίου), или жалкие заимствовали свое имя от слова «атлет» (ἀθλητοῦ), или наименование и тех, и других вместе происходит от их жалкого состояния (ἀθλιότητος), словно из одного источника⁷⁹.

ХII. 1. Но после того как мы рассмотрели величайшее из телесных благ – здоровье, перейдем к прочему. Дела с красотой обстоят у них так, что не только природа не извлекает никакой пользы от состязания, но и многие из тех, кто имел весьма соразмерные конечности, когда попали к гимнастам, которые чрезмерно откормили их и увеличили массу крови и плоти⁸⁰, достигли противоположного. 2. Лица некоторых сделались совершенно безобразными и уродливыми, особенно тех, кто упражнялся во всеборье⁸¹ и кулачном бое. Когда же, наконец, они сокрушат или вывернут какой-нибудь из суставов, или выбьют глаз, тогда-то, я думаю, тогда особенно отчетливо видна красота, ставшая результатом их занятия. 3. Вот так благоволит судьба к их красоте, когда они здоровы; когда же отходят от дел, то утрачивают и прочие органы чувств тела, и все вывернутые, как я сказал, члены становятся причиной всяческого уродства.

ХIII. 1. Но, возможно, ни на что из названного они и не будут претендовать, лишь на силу. Ибо, я хорошо знаю, они скажут, что сильнее всех. Что же это, о боги, за сила, и где она применима? Неужели в земледельческих трудах? Конечно, атлеты способны прекрасно копать, или косить, или выполнять какую-то другую земледельческую работу. Но, быть может, она применима на войне? 2. Прочитав мне снова Еврипида, который воспевает их в таких словах:

сразятся ли они с врагом, в руках
имея диски?

Ибо в самом деле:

никто не глуп настолько пред железом⁸².

3. Но сильны ли они пред стужей и зноем? Ведь самому Гераклу подражали бы те, кто и зимой и летом укрывается лишь одной кожей, ходит босым, спит под открытым небом, прямо на земле! Но во всем этом они немощнее новорожденных детей. 4. Так в чем же еще они проявят силу или чем похвалятся? Ведь не тем, наверное, что способны одолеть сапожников, плотников или зодчих в палестре и

⁷⁷ Ср. сатирические эпиграммы Anth. Palat. XI. 75–86.

⁷⁸ Ср. Galen. De const. art. med. 5 (Kühn I. 238. 16–239. 2)

⁷⁹ Об игре слов ἄθλιοι – ἀθληταί см. также Clem. Alex. Paedag. II. 1.

⁸⁰ О полном пренебрежении диетой у атлетов и его последствиях см. Galen. De bono hab. (Kühn IV. 754–756). Ср. Diog. Laert. VI. 49.

⁸¹ Всеборье, παγκράτιον – единоборство с минимальными ограничениями, сочетало в себе кулачный бой и борьбу, болевые приемы и удушения.

⁸² Eurip. Fr. 282. 19–22 (Nauck).

на стадионе. А может быть, они считают достойным похвалиться тем, что целый день валяются в пыли? Но это свойственно также перепелам и куропаткам, и если уж следует похвалиться этим, то и тем, что они целый день принимают грязевые ванны. 5. Но, клянусь Зевсом, известный Милон Кротонский⁸³, возложив на свои плечи одного из жертвенных быков, однажды пронес его через весь стадион. О, преизбыток глупости, – не знать даже того, что немногим ранее то же самое тело живого быка носила душа животного, причем с намного меньшими усилиями, нежели Милон, если она могла даже бегать, нося его! Но эта душа не имела никакой награды, почти так же, как душа Милона. 6. Да и кончина этого мужа показала, насколько он был глуп. Увидев однажды юношу, который раскалывал бревно вдоль его длины путем вбивания клиньев, он с насмешкой отстранил его, а сам решил расщепить его одними руками. Затем, тотчас приступив к нему что было сил, раздвинул в разные стороны части бревна, но в этот момент клинья выпали, и он, не в состоянии разделить остальную часть бревна, долгое время сопротивлялся, но, в конце концов, уступив, не успел убрать руки. Зажатые сошедшимися друг с другом частями бревна они сокрушились первыми и стали причиной жалкой смерти Милона⁸⁴. 7. Так вот, сильно ли помог ему мертвый бык, которого он нес на стадионе, в том, чтобы никак не пострадать? Или общество эллинов могла бы спасти во время войны с варварами такая сила Милона относительно быка, а не мудрость Фемистокла, который сначала верно истолковал предсказание оракула, а затем вел должным образом войну?⁸⁵

Ведь мудрое одно решенье много
превозмогает рук, с оружием же
невежество есть худшее из зол⁸⁶.

8. Итак, я уверен, что стало уже ясно: занятие атлетов не пригодно ни в одной сфере деятельности. А то, что они не заслуживают никакого упоминания даже в том, чем занимаются, вы узнали бы, если я рассказал вам ту басню, которую сложил в стихах один из мужей, не чуждый Муз⁸⁷. Вот она: 9. Если бы по воле Зевса у всех животных были единомыслие и общение, так что глашатай в Олимпии призывал на состязания не только людей, но позволял всем животным прибыть на один стадион, я думаю, ни один человек не получил бы венка.

Ведь на длинном пробеге конь,

– говорит, – победителем будет,

---

⁸³ Милон из Кротона был известным атлетом VI в. до н.э., который прославился в античности своей необычайной физической силой и большим числом побед, одержанных на олимпийских, пифийских, истмийских и немейских играх. Об этом анекдоте упоминает и Афиней (X. 412).

⁸⁴ Рассказ о смерти Милона встречается также у Страбона (VI. 1. 12), Павсания (VI. 14. 8), Авла Геллия (XV. 16) и Лукиана (Charon 8).

⁸⁵ Об этом эпизоде упоминает Геродот (VII. 143). Накануне Саламинского сражения (480 г. до н.э.) афиняне послали послов в Дельфы, чтобы спросить оракул об исходе войны с персами. Пифия дала два пророчества, и оба неблагоприятные. Однако Фемистокл истолковал их в положительном для греков смысле, убедив афинян на народном собрании, что «деревянные стены», о которых говорила Пифия, означают греческие корабли, которые должны были участвовать в морском сражении, а «гибель сыновей» относится не к афинянам, а к их врагам.

⁸⁶ *Eurip.* Fr. 200. 3–4, ex Antiope (Nauck).

⁸⁷ См. прим. 21.

на стадии заяц награду возьмет, на пробеге двойном⁸⁸
газель будет лучшей, из смертных никто не заменит их
в беге, о атлеты ничтожные, жалкие люди⁸⁹.

Но даже потомок Геракла не мог бы оказаться сильнее слона или льва! И я думаю, что в кулачном бою венок получит бык. И осел, – говорит он, –

который захочет биться копытом,

и тот получит в награду венок.

И в истории, знающей много примеров, записано будет, как осел победил однажды мужей во всеборье, в двадцать первую было то олимпиаду, когда взял победу Онкест⁹⁰.

10. Эта басня весьма изящно показывает, что атлетическая сила – не то, в чем следует упражняться людям. Ведь если атлеты ни в чем не превосходят силой животных⁹¹, то обладателями какого иного блага они могли бы еще стать?

XIV. 1. Если же кто-нибудь скажет, что удовольствие тела также есть благо, то они и ему не причастны ни тогда, конечно, когда состязаются, ни когда перестают, поскольку во время состязания они пребывают в трудах и мучениях не только потому, что тренируются, но еще потому, что едят по принуждению, а после прекращения занятий большинство членов их тела становятся увечными. 2. Так, может быть, они гордятся тем, что больше всех скапливают денег? Но вы можете увидеть, что все они находятся в долгах не только в то время, когда состязаются, но и по прекращении этого занятия, ты не найдешь ни одного атлета, который был бы богаче какого-нибудь домоуправителя богатого человека. 3. Достоинство упоминания не просто обладание богатством, полученным от своего занятия, но знание такого искусства, которое выплывет вместе с потерпевшими кораблекрушение, чего лишены и управляющие имением богатых людей, и мытари, и торговцы. Хотя они весьма обогащаются от своих занятий, в случае утраты денег утрачивают вместе с ними и свои дела, поскольку нуждаются в некотором денежном капитале для их поддержания, а не имея его, тотчас утрачивают возможность начать старое дело. 4. Поэтому если кто-то из вас считает достойным готовиться к стяжанию надежного и не бесчестного дохода, следует упражняться в том искусстве, которое пребудет с ним на протяжении всей его жизни. 5. Но поскольку первое разделение в искусствах двойное, – ибо некоторые из них – разумные и почтенные, а другие – презренные и связанные с физическим трудом, которые называют грубыми и ручными – было бы лучше стремиться к одному из искусств первого рода, ибо второй

⁸⁸ Стадий (στάδιον) составлял 185 м, двойной пробег (διάυλῳ) равнялся двум стадиям, а длинный пробег (δολίχῳ) – 24 стадиям.

⁸⁹ Автор этой басни неизвестен. Среди возможных авторов назывались Ксенофан, Федр, Плутарх, отрывок из поэмы которого известен под названием Περί ζῳῶν ἀλόγων ποιητικὸς (№ 127 по каталогу Ламприаса), и кинический философ Кратет из Фив, ученик Диогена. Ср. также *Dio Chrys. Or. IX. 22*. По мнению В. Будон-Мийо (*Galien 2002, 143*), Гален пародирует здесь какую-то поэму, которая имела распространение в среде философов-киников.

⁹⁰ Игра слов: имя Ὀγκηστής – «Онкест» происходит от ὀγκάζομαι – «реветь», «кричать» применительно к ослу.

⁹¹ Тема превосходства физической силы животных над людьми неоднократно встречается в сочинениях протрептического жанра; см. *Boeth. Consol. philos. III. 8. 7; Ps.-Plut. De lib. ed. 8; Themist. Or. XXIV; Stob. IV. 12. 14; Dio Chrys. Or. IX. 293*.

их род обычно оставляет ремесленников с наступлением старости. 6. К первому роду принадлежат медицина, риторика, музыка, геометрия, арифметика, счет, астрономия, грамматика, право. Добавь к ним, если угодно, скульптуру и живопись⁹². Ибо хотя они и трудятся руками, их труд не нуждается в юношеской силе. 7. Итак, необходимо, чтобы юноша, душа которого не совершенно скотоподобна, воспринял и изучал одно из этих искусств и, предпочтительно, лучшее среди них, которое, как мы утверждаем, есть медицина. И это нам следует доказать далее. <...>

Литература

1. *Galen* 1821: *Protrepticus* // *Claudii Galeni opera omnia* / C.G. Kühn (ed.). T. 1–20. Lpz. 1821–1833. I, 1–39.
2. *Galen* 1991: *Esortazione alla medicina* / Testo e traduzione di A. Barigazzi (*Corpus Medicorum Graecorum*. V. I. 1). B., 111–151.
3. *Galen* 2002: *Exhortation à l'étude de la médecine*. Art médical. T. 2 / Texte établi, traduit et annoté par V. Boudon-Millot (C.U.F. Collection Budé). P.
4. *Lüth P., Knapp W.* 1963: *Galen von Pergamon*. Ermunterung zu Kunst und Wissenschaft // *Hippokrates*. 34, 665–669.
5. *Singer P.N.* 1997: *Galen*. An exhortation to study the arts // *Galen*. Selected Works / Translated with an Introduction and Notes (Oxford World's Classics). Oxf., 35–52.
6. *Алueva О.В.* 2011: Паренеза: Философская и риторическая традиция / *Вестник ПСТГУ* III. Филология. Вып. 3 (25), 23–36.
7. *Аристотель* 2004: Протрептик. О чувственном восприятии. О памяти / Е.В. Алымова (пер., предисл. и комм.). СПб.
8. *Гален, Клавдий* 1971: О назначении частей человеческого тела / Пер. С.П. Кондратьева, под ред. и с примеч. В.Н. Терновского, вступ. ст. В.Н. Терновского и Б.Д. Петрова. М.
9. *Гуттократ* 1936: Избранные книги / Пер. В.И. Руднева, комм. В.П. Карпова. М.
10. *Mappu A.-И.* 1998: История воспитания в античности (Греция) / Пер. с франц. М.
11. *Barigazzi A.* 1966: *Favorino di Arelate*. Opere / Ed., introd., testo critico e commento a cura di A. Barigazzi. Firenze.
12. *Barigazzi A.* 1979: Sul titolo del *Protrettico* di Galeno // *Prometheus*. 5, 157–163.
13. *Gaiser K.* 1959: *Protreptik und Paränese bei Platon*. Stuttgart.
14. *Jamblique* 1989: *Protreptique* / Texte établi et traduit par ed. des Places (C.U.F. Collection Budé). P.
15. *Kannicht–Snell* 1981: *Tragicorum Graecorum fragmenta* [Tragica adespota]. Vol. 2 / R. Kannicht, B. Snell (eds.). Göttingen.
16. *Kühn* 1821–1833: *Claudii Galeni opera omnia* / C.G. Kühn (ed.). T. 1–20. Lpz (Nachdruck: Hildesheim, 1964–1965) (*Medicorum graecorum opera quae exstant*. 1–20).
17. *Lasserre–Bonnard* 1958: *Archiloque*. Les Fragments / Texte établi par F. Lasserre, traduit et commenté par A. Bonnard (C.U.F. Collection Budé). P.
18. *Lobel–Page* 1955: *Poetarum Lesbiorum fragmenta* / E. Lobel, D.L. Page (eds.). Oxf.
19. *Nauck* 1889: *Tragicorum Graecorum fragmenta* / A. Nauck (ed.). Lpz (repr. Hildesheim, 1964).
20. *Pesce D.* 1982: *La Tavola di Cebete*. Brescia.
21. *Snell–Maehler* 1971–1975: *Pindari carmina cum fragmentis* / Post B. Snell ed. H. Maehler. Vol. I–II. Lipsiae.
22. *SVF* 1903–1905: *Stoicorum Veterum Fragmenta* / H. von Arnim (ed.). Vol. 1. Stuttgart.

⁹² Cp. *Sen. Ep.* 88. 18.